

— Дядя Ли, расщедришь-ка на пару кувшинов из своих тайных запасов — нужно угостить земляка, — Шутун достал монеты и припечатал их к столу.

Стоило Мао Сяофэю переступить порог, как на него уставились десятки глаз. Он был так огромен, что едва не задевал макушкой потолочные балки. Неловко повернувшись, он зацепил и опрокинул длинную лавку. Торопливо подняв её, великан двинулся дальше, стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы ненароком кого-нибудь не раздавить.

Пятеро трактирных слуг, натужно кряхтя, притащили пустой глиняный чан. Дружно перевернув его вверх дном, они жестами предложили Мао Сяофэю присесть.

Хозяин заведения, мужчина средних лет с синей повязкой на лбу, принёс два кувшина величиной с кулак. Кряхтя от усердия, он поставил их перед гостем, примостился на соседней лавке и прищурился на Мао Сяофэя:

— Из Страны Верхней Ци будете?

— Да, оттуда. А вас как звать, почтенный?

— Зови меня просто Ли Эр.

Для местных крохотные сосуды казались огромными бадьями, которых хватило бы на добрый вечер, но для Мао Сяофэя это было смеху подобно. Дома, в Шаннани, такое количество уместилось бы в пару глубоких пиал — только горло промочить. Опасаясь, что хмель ударит в голову раньше времени, он не спешил.

Трактирщик собственноручно налил ему вина в бамбуковую чарку — посудину столь внушительную, что здешние обитатели держали её обеими руками.

— Сколько лет уж я в Стране Верхней Ци не бывал... — протянул Ли Эр. — Ты-то сам из каких краёв?

— Из Шаннани, — ответил Мао Сяофэй.

От густого, пряного винного аромата у него так и потекли слюнки. Как раз подоспело заказанное Шутуном тушёное мясо. Нарезанное толстыми ломтями, оно горой возвышалось на самом большом блюде, какое только нашлось в трактире. Хозяева постарались угодить гиганту: куски были точь-в-точь такими, к каким он привык в человеческих землях.

— О, у самого подножия императорского трона! — хмыкнул Ли Эр. — Эх, довелось и мне в своё время там побывать. Да непросто так, а в самом дворце наследного принца!

Шутун молча пригубил свою чарку, сохраняя бесстрастное выражение лица.

Мао Сяофэй уже слышал эту байку, но всё равно изобразил на лице благоговейный восторг. В былые времена, ещё до того, как его занесло в поместье князя Аньяна, он сам, совершив нечто подобное, растрезвонил бы об этом полутысяче знакомых, не меньше, чтобы потешить самолюбие.

— Ладно, не буду вам мешать, — Ли Эр поднялся, похлопав Шутуна по плечу. — Да, чуть не забыл: моя хозяйка велела передать, чтобы завтра вечером заглянул к нам на ужин. Приготовит рыбу в красном соусе, всё как ты любишь.

Юноша едва заметно кивнул в ответ.

Только тогда Мао Сяофэй приподнял бамбуковый стакан и сделал первый глоток. Вкус оказался удивительно мягким, обволакивающим, без лишней остроты, но с долгим, глубоким послевкусием. В этой благородной хмельной сладости почудилось что-то смутно знакомое. Он пригубил ещё раз.

— Шутун, как называется это вино?

— «Опьянение бессмертного», — кратко бросил тот, не отличавшийся многословием.

Лицо Мао Сяофэя мгновенно перекошилось. Он резко вскочил с места.

Движение было столь порывистым, что он едва не проломил головой потолок. Скрипнуло дерево, покачнулись балки. Все находившиеся в трактире — десятка полтора местных — разом обернулись на шум. Шутун тоже задрал голову, недоуменно разглядывая великана. Мао Сяофэй мелко дрожал, его ноздри трепетали. Наконец, шумно выдохнув и надув щеки, он тяжело опустился обратно на чан. Его взгляд приковал к себе глиняный кувшин, покрытый чёрной глазурью, загадочно поблёскивавшей в полумраке.

— Дядя Ли — непревзойденный мастер, — заметил Шутун. — Думаю, даже во всей твоей огромной Стране Верхней Ци днём с огнём не сыщешь хмеля лучше этого.

Прошло немало времени, прежде чем Мао Сяофэй наконец выдавил из себя улыбку — вымученную, за которой скрывалось глубокое потрясение. Потухшим взором он скользнул по блестящему боку кувшина и тихо произнёс:

— Действительно... не пил. Дивное вино. Век буду помнить этот вкус.

— Раз нравится, пей больше. Завтра проводим вас в путь, и больше такой возможности не представится.

Мао Сяофэй промолчал. Опрокинув бамбуковую чарку, он осушил её до капли, а затем прильнул губами прямо к горлышку кувшина. От жадных, торопливых глотков вино потекло не в то горло, и он долго, надрывно закашлялся.

Шутун неодобрительно нахмурился и подозвал слугу, чтобы заказать ещё сытных закусок — нужно было хоть как-то нейтрализовать подступающий хмель.

— Неси ещё! — Мао Сяофэй шумно рыгнул. — Не поверю, что на такой винокурне только один сорт подают!

— У этого вина коварный нрав, а ты уже прилично приговорил, — предостерёг его Шутун. — Если на обратном пути ноги откажут, я тебя на себе не дотащу.

— Пустое! — великан отмахнулся. — Я к хмелю привычный, меня и бочкой не свалить. Не придётся тебе спину гнуть.

Поскольку Шутун получил чёткое указание ублажить дорогих гостей и окружить их максимальной заботой, спорить он не стал. На столе один за другим начали появляться кувшины с десятком других сортов. Поначалу в глазах Мао Сяофэя вспыхнул азарт, но постепенно его лицо залила густая, пугающая краснота — казалось, тронь его пальцем, и сквозь кожу проступят капли крови.

Когда они наконец выбрались наружу, ночь уже перешагнула за полночь. Мао Сяофэй выписывал ногами немислимые кренделя, и Шутуну приходилось держаться шагах в пяти позади, опасаясь, как бы эта туша при падении не погребла его под собой.

Пошатываясь, Мао Сяофэй бубнил под нос какую-то невнятную, заунывную мелодию. Возле постоянного двора он внезапно навалился на стену и тяжело согнулся пополам прямо под свесом крыши — хмель окончательно взял своё. Лишь спустя пару минут он с трудом поднял голову. В чёрной вышине одиноко сияла полная луна. Мао Сяофэй прицелился в неё дрожащим пальцем и сделал пару нелепых тычков в пустоту.

— Слышь... — заплетывающимся языком пробормотал он. — Как думаешь, в Шаннани... луна сейчас такая же огромная? Такая же круглая?

Вступать в пьяную беседу Шутун не собирался. Он уже трижды успел проклясть тот миг, когда согласился повести этого детину в трактир. Мао Сяофэй в разгаре веселья принялся орать на всё заведение, со слезами затягивая заунывные песни, чем распугал добрую половину благообразных посетителей.

«Да ладно тебе, оставь его, — добродушно отмахнулся тогда Ли Эр. — Пьяный человек плачет лишь о том, о чём трезвый смолчать принужден. У каждого своя беда на душе. Я-то думал, вообще никогда земляков не встречу... Пустое, бог с ним».

Старик даже велел слуге сварить отвар из целебных трав, чтобы прогнать дурноту, но Шутун от стыда готов был сквозь землю провалиться и потащил собутыльника прочь, не дожидаясь снадобья.

Дверь в комнату Му Цаньшана отворилась после короткого стука. Молодой генерал стоял посреди комнаты в одних тонких портах — у пылавшей жаром жаровни сушилась его одежда.

Едва Шутун впахнул Мао Сяофэя за порог, как тот мертвым грузом повалился прямо на Му Цаньшана. Пьяница приоткрыл затуманенные глаза, глуповато хихикнул, не соображая, кто перед ним, и уткнулся носом в чужую грудь. От этого человека пахло сухим теплом и древесным углём — объятия показались настолько уютными, что уходить из них не хотелось ни за какие коврижки.

Вид бесчувственного тела заставил Му Цаньшана болезненно поморщиться. Перегар от Мао Сяофэя разил на шаг круг, а поскольку генерал не переносил грязи и неопрятности, он немедленно велел слугам принести бадью с горячей водой.

Даже самая большая лохань, имевшаяся в заведении, едва вместила исполинские габариты Мао Сяофэя — он смог лишь сесть на дно, оставив всю верхнюю половину туловища снаружи.

Стоило стащить с него мокрую от пота и перегара одежду, как Мао Сяофэй зябко задрожал от сквозняка. Сонно мыча, он закопошился, вскинул руки и намертво вцепился в единственное теплое тело поблизости.

— Мао Сяофэй! — недовольно процедил Му Цаньшан, пытаясь высвободиться.

Но пьяному море по колено, и любые угрозы пролетали мимо ушей.

Избавив упряма от штанов, генерал заметил на бледной коже его левого бедра жуткий багрово-черный след от ушиба. В памяти мгновенно всплыли недавние события. Му Цаньшан помедлил, а затем осторожно коснулся пальцами поврежденного места. Мао Сяофэй дико взвыл и тут же распахнул глаза.

Му Цаньшан по-прежнему придерживал его одной рукой за поясницу — отчасти потому, что хватка великана была железной, отчасти чтобы тот попросту не соскользнул в воду и не захлебнулся.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

Мао Сяофэй прикусил губу, он прослезился и его взгляд подернулся сонной дымкой. Горячей кожей предплечья он прижался к шее генерала, стискивая объятия ещё крепче. Из его горла вырвалось невнятное мычание — Му Цаньшан попытался разобрать слова, но звуки больше походили на жалобный скулёрж зверя.

Вино проняло Мао Сяофэя до самых костей, его кожа лоснилась от влажного жара. Му Цаньшан помрачнел. Он так сильно сжал мокрую ткань, что побелели костяшки пальцев, а внизу живота тугой пружиной скрутилось непреодолимое, давящее вожделение.

Этот незащищенный, хмельной вид буквально вызвал к насилию.

Мао Сяофэй лхнул к нему, точно осьминог, глядя на него со слезами на глазах так, словно хотел высказать всё наболевшее, но не находил слов.

«Неужели этот дурак действительно считает меня безвредным кроликом? — Му Цаньшан до боли стиснул зубы. — Или думает, что я ни за что не переступлю черту?»

С одной стороны, внутри Му Цаньшана теплилось тайное торжество: Мао Сяофэй без малейшего опасения заснул у него на руках, позволил себя раздеть, а когда очнулся и узнал его — даже не подумал сопротивляться. С другой стороны, это вызывало глухую злость.

«Выходит, этот воришка вообще во мне мужчину не видит?»

Сжав зубы, Му Цаньшан заставил себя зажмуриться. С каменным лицом, едва касаясь разгоряченной кожи Мао Сяофэя, он наощупь провёл влажной тряпицей по его спине, затем по груди. Возле бёдер его рука на мгновение замерла, после чего он наспех обтёр сильные ноги и решил, что на этом водные процедуры окончены.

Едва он призвал на помощь заученную с детства дыхательную технику и кое-как утихомирил бурю в груди, намереваясь завернуть великана в одеяло и сгрузить на кровать, как горячее лицо Мао Сяофэя ткнулось ему прямо в шею.

— Не шевелись...

Му Цаньшан беззвучно замер, ощутив, как перехватило дыхание.

Пьяный в стельку Мао Сяофэй, утративший всякое чувство самосохранения, углядел перед носом покачивающееся ухо и, поддавшись глупому порыву, цапнул его зубами.

Острая вспышка боли заставила Му Цаньшана глухо рыкнуть сквозь зубы:

— Мао Сяофэй!

Однако зубы тут же разомкнулись, и нежная плоть мочки оказалась во власти влажного, горячего языка. Мао Сяофэй увлечённо принялсялизывать укус, поднимаясь выше по хрящу, точно глупый цепной пёс, ластящийся к хозяину.

Внутри генерала словно взорвался пороховой погреб. Не помня себя от вожделения, он подхватил обмякшее тело, на ходу обмотал его простыней и с размаху швырнул на постель.

Склонившись над ним, он шумно выдохнул прямо в ямку под ключицей. Мао Сяофэй вздрогнул от обжигающего дыхания, но рук с чужой шеи так и не убрал.

Перед ним лежало податливое, разомлевшее тело. Му Цаньшан покрывал поцелуями его щёки, скулы, подбородок, целенаправленно обходя стороны губы — словно хищник, приберегающий самый лакомый кусок на десерт.

Но стоило его ладони скользнуть под край покрывала и коснуться пышущей жаром груди, как Мао Сяофэй резко вскинул руку. Размашистый удар пришёлся в воздух, а сам возмутитель спокойствия невнятно пробормотал:

— Лжец...

Генерал на миг замер, но решил не обращать внимания на пьяный бред. Ему было плевать, что творится в чужой голове и какие кошмары снятся этому проходимцу. Тетива была натянута до предела. Видя перед собой безвольное существо, которое само льнуло к нему, Му Цаньшан ощутил дикую жажду подчинения — раздавить, подмять под себя и взять силой.

Окажись на месте Мао Сяофэя кто-то другой, Му Цаньшан даже не взглянул бы в его сторону. К слабости он всегда относился с презрением, считая, что малодушные люди сами заслужили свои беды.

Но теперь всё было иначе. Тесные объятия на узком ложе под сенью плотных пологов дарили обманчивое чувство уединения. Разум заволокло плотным туманом похоти.

— Все вы... твари... брехуны поганые... — всхлипнул Мао Сяофэй и снова укусил генерала, на этот раз за мочку уха, да так сильно, что на губах выступила солоноватая влага.

Вкус крови заставил его на секунду прийти в себя и с трудом разлепить веки.

Прямо перед ним застыло невероятно красивое, искажённое страстью лицо. Поцелуй обрушился на него подобно урагану, лишая возможности дышать. Мао Сяофэй отчаянно забился под чужим телом, скребя ногтями широкую мужскую спину. Горячий язык проник в рот, скользнул по десне и коснулся щербинки на месте выбитого переднего зуба. Мао Сяофэй жалобно заскулил, а Му Цаньшана окончательно поглотила тьма.

Острые когти оставили на спине генерала глубокие багровые полосы. Капли крови из прокушенного уха скатились на простыню, смешиваясь с их общим дыханием. Сдерживать животный порыв больше не было сил. Резким движением Му Цаньшан разорвал тонкую ткань простыни и намертво перетянул запястья сопротивляющегося великана, лишая его

возможности драться.

Они снова столкнулись взглядами. Мао Сяофэй смотрел на него снизу вверх; его ресницы дрожали, а в уголках глаз блестели злые, обиженные слёзы.

Му Цаньшан шумно втянул воздух. Наклонившись, он бережно коснулся губами его влажных век, слизывая горькие слезы, но это принесло лишь глухое раздражение. С трудом подавив рвущийся наружу рык, генерал резко отпрянул, сел на краю постели и замер, тяжело дыша. Спустя пару минут он накинул на плечи влажное одеяние и вихрем вылетел во внутренний дворик, где вылил на себя два ушата ледяной воды из колодца.

Когда он вернулся, Мао Сяофэй уже крепко спал, свернувшись калачиком на измятых простынях. Вокруг его заплаканных глаз всё еще темнела краснота.

Му Цаньшан долго и осторожно выпутывал его руки из узлов, бережно растирая покрасневшую на запястьях кожу. Затем он лёг рядом, притянул это громоздкое тело к себе и принялся разглядывать простоватое лицо спящего. Не удержавшись, он запечатлел легкий поцелуй на его брови, уткнулся подбородком в вихры на макушке и, согревая его своим теплом, забылся тревожным сном.

Наутро его разбудила возня — Мао Сяофэй беспокойно завожился в его объятиях.

После вчерашнего кутежа у беглого вора трещала голова и ныло всё тело, но стоило ему открыть глаза, как остатки хмеля мгновенно улетучились. Он лежал в одной постели с молодым генералом, который собственнически сгреб его в охапку, пока сам Мао Сяофэй, пуская слюни, уткнулся ему в плечо — картина, достойная супругов со стажем.

Вдобавок ко всему, сквозь тонкую ткань исподнего он отчётливо почувствовал упирающуюся ему в поясницу утреннюю крепость генеральской плоти. Мао Сяофэй похолодел от ужаса. Желание сбежать отсюда пересилило всё остальное — плевать, что за окном едва брезжил рассвет.

Но стоило великану сделать малейшее движение, как чутко спавший воин тут же открыл глаза.

— Ещё рано, — пробормотал Му Цаньшан хриплым спросонья голосом, утягивая его обратно. — Лежи.

У Мао Сяофэя сердце ушло в пятки.

— Т-ты спи... — заикаясь, выдавил он. — А я проголодался, пойду поищу чего-нибудь съестного.

Стоило ему приподняться, как Му Цаньшан бесцеремонно рванул его назад. Он закинул на него ногу, придавливая к матрасу, и лениво процедил сквозь полуприкрытые веки:

— Проголодался, значит?

Мао Сяофэй промолчал. Смысл сказанного отдавал явной двусмысленностью.

— Отлично. Я тоже всю ночь сидел на голодном пайке. Так что если продолжишь елозить, мы прямо сейчас закончим то, что не успели вчера.

В голове несчастного воришки царил абсолютный вакуум — он не помнил ровным счётом ничего. Пить ему доводилось нечасто, а нажираться до беспамятства — и подавно. Но учитывая их более чем двусмысленное положение под одним одеялом, спорить не приходилось.

— Ладно-ладно, спи... — Мао Сяофэй поспешно затих, боясь даже вздохнуть лишний раз. Сжавшись в комок в генеральских объятиях, он натянул одеяло до подбородка. — Я тоже... ещё подремлю.

Лишь когда дыхание Му Цаньшана выровнялось и стало глубоким, Мао Сяофэй позволил себе слегка расслабиться. Спать он, разумеется, не посмел — лежал и ждал, пока мучитель соизволит подняться. Едва генерал встал, великан пулей соскочил с кровати и в мгновение ока натянул одежду.

По-прежнему подпоясанный чужим ремнем, он повернулся к генералу спиной и неловко спросил:

— Твой пояс... Заберёшь? Мне-то он без надобности, могу и так обойтись.

— Себе оставь, — хмуро бросил Му Цаньшан.

Ещё бы ему быть довольным — продержаться всю ночь рядом со сладкой добычей и уйти ни с чем. Любой на его месте исходил бы злобой.

Спустя некоторое время, спускаясь по лестнице вслед за генералом, Мао Сяофэй робко поинтересовался, оправляя рукава:

— К слову... я вчера ничего лишнего не сболтнул?

— Сболтнул, — не оборачиваясь, ответил Му Цаньшан. — Сказал, что жутко мёрзнешь, и умолял пустить тебя в постель.

Мао Сяофэй густо покраснел и натужно закашлялся.

— Пьяный бред... Зачем было на веру принимать? Если ещё раз переберу — просто брось меня

где-нибудь в углу.

«Ещё раз? — Му Цаньшан мысленно усмехнулся. — Ну уж нет, в следующий раз я церемониться не стану».

Му Цаньшан наградил его многозначительным взглядом, но продолжать разговор не стал. Сохраняя суровое молчание, генерал кивком указал на свободный стол. Быстро разделавшись со скромным завтраком, они направились в залу совета, чтобы попрощаться со старейшиной Банды Чёрного Дракона и поскорее покинуть это место.

<http://bllate.org/book/18429/1865487>